

Вестник

Российского
гуманитарного
научного
фонда

2015
3 (80)

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.А.Пушкина, Н.В.Ениосова, В.В.Мурашева*

Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников

Смоленская археологическая экспедиция МГУ — ГИМ при поддержке РГНФ в течение ряда лет ведёт исследования Гнёздовского комплекса археологических памятников — крупнейшего археологического комплекса периода формирования Руси, расположенного вблизи современного и рассматриваемого многими авторами в качестве предшественника княжеского Смоленска. Основной целью проводимых экспедицией работ является уточнение характеристик Гнёздовского комплекса археологических памятников как одного из раннегородских центров Руси. Некоторые итоги изучения Гнёздовского комплекса археологических памятников и его округи, осуществлённые на рубеже XX—XXI вв. совместной экспедицией, освещены в литературе [1]. Среди перспективных направлений исследования в начале 2000-х гг. были отмечены реконструкция палеоландшафта, уточнение характера и времени освоения днепровской поймы, а также условий хозяйствования древнего населения собственно Гнёздова [2].

Как подчёркивалось в одной из последних публикаций, в настоящее время особо актуальными стали вопросы изучения планировки Центрального поселения, связи структуры поселения с ландшафтной ситуацией и его зонирования [3]. Необходимо пояснить некоторые особенности расположения Центрального поселения Гнёздовского комплекса и его структуру. Оно расположено на правом берегу Днепра при впадении в него небольшого притока, р. Свинец, и состоит из городища и окружающего его со всех сторон селища. Городище занимает мыс левого берега Свинца, слегка выдающегося в пойму Днепра, культурный слой селища распространён на террасе по обоим берегам притока и на территории высокой поймы. В настоящее время общая площадь Центрального поселения определяется в пределах 30 га, причём значительная часть этой территории является зо-

* **Пушкина Тамара Анатольевна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, руководитель проекта «Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников» (15-01-18024е).

Ениосова Наталья Валерьевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, исполнитель того же проекта.

Мурашева Вероника Владиславовна — кандидат исторических наук, заведующая сектором отдела археологических памятников Государственного Исторического музея, исполнитель того же проекта.

ной активной строительной и хозяйственной деятельности населения пригорода современного Смоленска.

Одним из наиболее результативных направлений исследования гнёздовского поселения последних лет являются раскопки на территории высокой поймы Днепра. Здесь проведены геомагнитная разведка и систематичное геобурение, благодаря которым составлена карта распространения культурного слоя X — начала XI в., перекрытого аллювиальными отложениями. Раскопками на участках, намеченных с помощью геобурения, обнаружены зоны концентрации производственных и хозяйственных сооружений, в том числе связанных с обслуживанием речного пути. Среди наиболее интересных объектов, исследованных в эти годы, отметим кузнечный и смолокурный комплексы в древней прибрежной зоне.

В настоящее время территория гнёздовского участка днепровской поймы затапливается ежегодными паводками и пригодна лишь для выпаса скота. Культурный слой здесь перекрыт речными отложениями, мощность которых, по мере приближения к современному руслу реки, возрастает и достигает почти 3 метров. Пойменный сектор, по сравнению с другими частями поселения, обладает гораздо большей ландшафтной приуроченностью. На протяжении многих лет археологические исследования на этой территории неизменно идут параллельно с комплексными исследованиями, направленными на реконструкцию палеоландшафта. Основные итоги совместных работ палеопочвоведов и геоморфологов, опубликованные в целом ряде статей [4], позволяют утверждать, что русло Днепра в эпоху существования древнего Гнёздова проходило немного севернее и находилось на 80—90 м ближе к Центральному Городищу, чем в настоящее время, а пойма затапливалась не так интенсивно.

В 2001 г. для проверки этих выводов на южной окраине распространения культурного слоя, в районе гипотетической «пляжной зоны» древнего русла реки был заложен раскоп-траншея. В южной части траншеи была выявлена зона смещения и оползания слоёв, связанная с подмывом древнего берега рекой. Здесь же обнаружены остатки сгоревшего настила, сложенного и смещённого вместе со слоем обрушения берега. Таким образом, реконструкция местоположения русла Днепра в IX—XI вв., полученная в ходе предшествующих междисциплинарных исследований, полностью подтверждена результатами раскопок [5].

Несмотря на относительно небольшую площадь, микро топография гнёздовского участка днепровской поймы отличается большим разнообразием, которое обусловлено близостью к реке и наличием на этом участке двух небольших внутренних озёр. Особенности древней топографии в значительной степени определяли характер использования тех или иных участков территории в гнёздовское время. На протяжении последних лет иссле-

дования проходят на нескольких участках пойменной части селища, различных по характеру использования.

Базовым участком для изучения планиграфии и стратиграфии данной части поселения стала территория гребня между двумя озёрами, самая высокая и в древности не затапливаемая часть поймы (раскоп П-8). К 2015 г. исследованная площадь составила 400 м². На западе она достигала прибрежной зоны озера Камыши, где вблизи от воды были расположены ювелирно-кузнечные мастерские, связанные с высокотемпературными процессами [6]. По мере удаления от озера характер застройки менялся. К сожалению, хозяйственные постройки разнообразного назначения, в отличие от сооружений, связанных с обработкой металлов, не обладают столь же яркими диагностическими признаками, как тигли, шлаки, литейные формы и бракованные изделия, и поэтому определить их назначение подчас невозможно.

Вопрос о том, использовался ли пойменный участок лишь сезонно или там возводились постройки для стационарного круглогодичного проживания, остаётся открытым до настоящего времени. Несмотря на то, что в ходе исследования выявлено большое количество каменных очагов (рис. 1), ни один из них не удаётся связать с конкретной постройкой и убедительно интерпретировать его как отопительное устройство. Вероятнее всего, постройки представляли собой наземные срубы, следы которых в культурном слое, не сохраняющем органику, зафиксировать сложно.

Рис. 1. Каменный очаг. Пойменная часть поселения (раскоп П-8)

Из сооружений, состоявших не только из наземной, но и из углубленной части, наиболее интересным представляется объект, изученный в 2010–2012 гг. Центральную его часть составляла яма (подпол?) глубиной около 1,3 м и поперечником более 3 м, с восточной стороны которой отчётливо читался сход. Загадкой является конструкция наземной части: система слоев, связанных с ямой была ограничена двумя идущими по кругу, параллельными канавками, в одной из которых зафиксированы столбовые ямки, в другой — следы забитых вертикально досок (рис. 2).

Рис. 2. Следы вертикально вбитых досок. Пойменная часть поселения (раскоп П-8)

О наличии стационарного поселения на пойме косвенно свидетельствуют и следы усадебной застройки. Здесь были зафиксированы две межевые канавки, относящиеся к самому раннему этапу освоения территории. На этом же месте впоследствии были возведены и неоднократно подновлялись мощные изгороди на расстоянии около 13 м одна от другой. Возможно, это свидетельство деления земли на участки-парцеллы — подобная

система планировки раннегородских поселений хорошо известна по северо-европейским поселениям эпохи викингов, таким, как Риббе, Каупанг, Дублин [7] и др., что позволяет отнести обнаруженную на гнёздовском селище систему землепользования к североевропейской градостроительной традиции.

Среди находок, происходящих с изученной территории, наиболее интересной является клад торгового инвентаря, обнаруженный в 2013 г. Клад состоял из складных весов в футляре, набора гирек для малых взвешиваний и нескольких скандинавских амулетов [8].

Событием полевого сезона 2014 г. стала находка в составе финального горизонта напластований (конец X — начало XI в.) двух стилосов (писа́л) — железных стержней с заострённым концом, их верхняя часть тордирована (перекручена) и завершается треугольной лопаточкой. Писа́ла являются обычной находкой в культурном слое древнерусских городов, они предназначались для письма по восковым табличкам, однако могли использоваться и для нанесения надписей на более твёрдые материалы (береста, глина). В Новгороде писа́ла, в основном косяные, появляются на рубеже X—XI вв. Гнёздовские находки интересны тем, что это самые ранние инструменты для письма на территории Верхнего Поднепровья — первые свидетельства распространения грамотности.

Традиция использования для письма стилосов и восковых табличек известна ещё с античности, и нет сомнения в том, что в целом письменная культура распространяется вместе с христианством из Византии. Важно отметить, что морфологически наиболее близкие аналогии писа́лам известны на территории Дунайской Болгарии. Таким образом, можно зафиксировать «болгарский» след в процессе распространения грамотности и христианской книжной культуры. И это не удивительно, так как уже со второй половины IX в. именно Болгария становится центром славянской письменности.

Как по структуре, так и по характеру использования территории прибрежный участок разительно отличается от центрального. Исследования в районе пляжной зоны древнего русла Днепра начались в 2007 г., наиболее интересный из объектов обнаружен в 2008 г., и тогда же сформировались представления об истории освоения участка. Хорошо стратифицированные культурные напластования этой части селища делятся на две свиты: раннюю и позднюю. Ранняя свита напластований по составу керамической коллекции может быть предварительно датирована второй четвертью X в., поздняя — второй половиной X в. Поздние слои отделены от ранних прослойкой аллювия мощностью до 20 см, что свидетель-

ствуется о довольно длительном периоде, в течение которого участок не использовался, а территория находилась в запустении. Среди объектов, относящихся к раннему этапу, можно выделить следы обширного сгоревшего настила, доски которого были уложены перпендикулярно древнему руслу Днепра, и глубокие, корытообразные ямы, назначение которых неясно.

На позднем этапе структура прибрежной зоны существенно усложняется — появляются оригинальные сооружения, типы которых зафиксированы в Гнёздове впервые. Одним из первых сооружений, возникших на участке после «периода запустения», является некая столбовая конструкция. Размеры сооружения (в пределах исследованного участка) — $3,2 \times 6,6$ м. Конструкция имеет подпрямоугольную форму и вытянута в направлении север-юг, перпендикулярно урезу воды. Мощная система опор, отсутствие признаков жилого сооружения позволяют интерпретировать этот объект как остатки «пирса», который мог использоваться для швартовки судов во время весеннего половодья [9].

На финальном этапе существования Гнёздова система организации прибрежного пространства ещё раз изменяется: точно на месте сгоревшего «пирса» жители Гнёздова начинают возводить насыпной «вал» — своего рода дамбу, на южной оконечности которой поэтапно сооружаются производственные очаги, связанные с кузнечным делом [10]. Торговая деятельность в прибрежной зоне документируется находками крупных (тарных) сосудов. Один из них — византийская амфора, второй — подражание амфорной таре. Мастер-гончар, вероятно, местный (восточно-европейский), не владевший технологией создания узкогорлых сосудов, изготовил «амфору» с широким горлом-раструбом, но в подражание классическим образцам снабжённую двумя ручками и украшенную линейным орнаментом (рис. 3).

Третья зона, исследования которой после перерыва возобновились в 2013 г., — это восточный берег озера Бездонка, расположенного у подножья Центрального Городища. В 2005–2006 гг. (раскоп БД-1) здесь в составе мокрого слоя, сохраняющего органические остатки, была выявлена целая система древних «поверхностей». Сохранившиеся остатки деревянных настилов были интерпретированы как «тверди» для подхода к воде и как часть «портовой системы» древнего Гнёздова, связанной с обслуживанием трансъевропейского речного пути [11]. В рамках деятельности по обслуживанию речных судов может быть рассмотрена и смолокурная яма, выявленная в процессе исследования нижней части напластований [12].

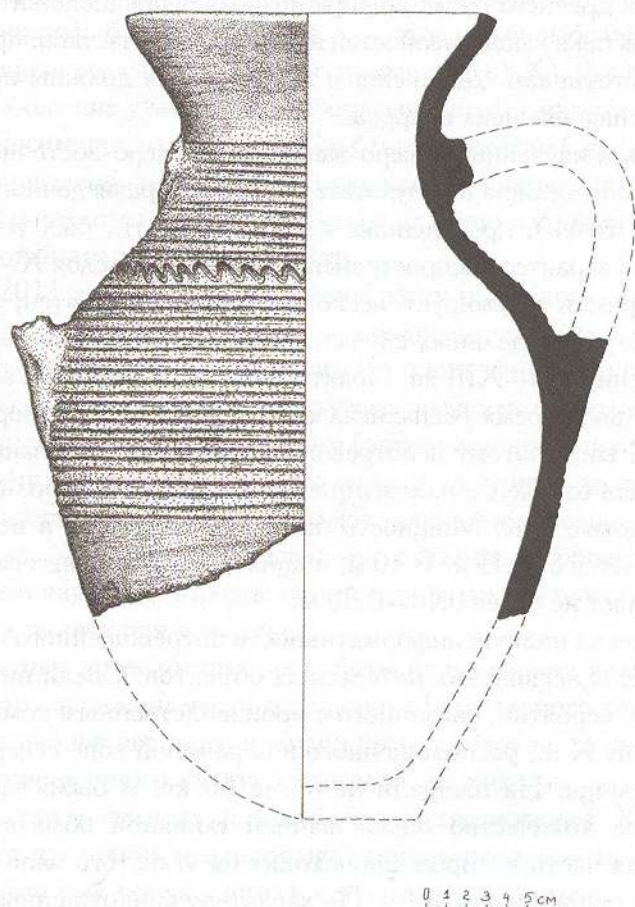

Рис. 3. Подражание амфоре. Реконструкция и рисунок А.Дементьевой

Основной задачей при возобновлении работ стала необходимость получить образцы для дендрохронологического анализа с целью определения абсолютного возраста ранних напластований (образцы находятся в процессе обработки). Вопрос о ранней дате Гнёздова является одним из наиболее дискуссионных в литературе, посвящённой данному памятнику. Ответ на этот вопрос важен для интерпретации исторических событий этого периода русской истории.

Несмотря на то, что за два полевых сезона была вскрыта небольшая площадь (24 м²), на берегу озера Бездонка выявлен примечательный объект — это насыпное сооружение (холм? Вал?). Ввиду того, что к настоящему времени изучена лишь юго-западная часть этой насыпи, предложить интерпретацию сооружения пока невозможно, однако наличие насыпного

вала у берега древнего русла Днепра позволяет предположить наличие не вполне ясных пока закономерностей в планировке участков, примыкающих к водным источникам. Дальнейшие исследования должны прояснить ответы на нерешённые пока вопросы.

В наименее изученных северо-западном и северо-восточном сегментах террасной части селища в результате раскопок и разведочного геобурения (более 1000 точек), проведённых в 2010–2014 гг., был установлен неравномерный характер распространения культурного слоя X–XI вв. (слой разной мощности формирует несколько обширных пятен, разделённых «пустырями»). В отдельных случаях удалось зафиксировать следы сельского поселения XII–XIII вв. Практически вся территория этой части селища длительное время распахивалась или была занята дворами деревни XVII–XIX вв. Поэтому непотревоженными на исследованных участках остались лишь тонкие слои, лежащие на материке или заполняющие древние материковые ямы. Мощность пахотного горизонта в исследованных зонах колеблется от 0,15 до 0,40 м, мощность сохранившегося культурного слоя составляет не более 0,10–0,30 м.

Несмотря на низкую информативность потревоженного слоя, удалось выявить следы нескольких интересных объектов. Среди них — остатки сооружения, вероятно, связанного с производственным комплексом второй половины X в., расположенного в окраинной зоне северо-западного сегмента селища. На площади не более 60 кв. м было зафиксировано значительное количество ошлакованной глиняной обмазки и шлаков, значительная часть которых происходит из углистого заполнения удлинённой ямы глубиной около 1 м. По характеру обнаруженный здесь шлак делится на плоские «хлопья» и круглые шарики — окалину и бесформенные шлаки, образующиеся при ковке. На основе планиграфии этих находок можно предположить, что яма является частью сооружения, связанного с кузнечной обработкой металла — разогревом в горне и ковкой на наковальне [13].

Вероятно, верхняя часть этого сооружения (деревянная) была уничтожена поздней распашкой, разметавшей следы производства практически по всей площади раскопа. Важно отметить, что этот комплекс находится вне тех трёх производственных зон на территории селища, документально подтверждённых ранее.

Проведённые исследования террасной части селища в настоящее время позволяют наметить несколько этапов освоения его северо-западного сегмента:

а) конец X — начало IX в. — максимальное освоение территории, неоднократное возобновление построек на одном и том же участке, сооруже-

ние и использование производственных комплексов (в том числе, железо-обрабатывающего); б) XII—XIII вв. — отдельные небольшие участки со слабонасыщенным слоем сельского поселения; в) XVII—XVIII вв. — отдельные небольшие участки со слабонасыщенным слоем сельского владельческого поселения, расположенного ближе к берегам Свинца; г) XIX—XX вв. — многодворная деревня. Для каждого из намеченных этапов сохраняется наличие пустырей — участков с минимальными признаками селитьбы и хозяйственной деятельности.

В 2013—2014 гг. в пределах восточной части террасного селища и Центрального городища была произведена предварительная сейсмо- и электромагнитная разведка. Более 50 профилей, размеченных по направлению С—Ю на расстоянии 1 м один от другого, выявили несколько объектов как естественного, так и искусственного (антропогенного) происхождения. К первому типу относятся различного вида структурные неоднородности, в том числе каверны; ко второму — хозяйственные ямы, основания фундаментов (?) и др. Характер аномальных зон, связанных с объектами, требует дальнейшего изучения. Предполагается продолжить геофизические исследования на территории комплекса.

Традиционные археологические работы на поселении включали и исследования юго-западной части площадки Центрального городища, где под отвалами окопов военного времени были обнаружены участки хорошо стратифицированного культурного слоя, нижняя часть которого содержала остатки наземных и углублённых сооружений X — начала XI в. В итоге последних исследований можно предложить следующую схему напластований (сверху вниз), сложившихся в юго-западной части площадки.

Мы выделили два мощных горизонта: насыпной (переотложенный) и основной (рис. 4). Верхнюю часть напластований составил культурный слой — аморфная гумусированная супесь, содержащая материалы от раннего средневековья до современности. Этот неоднократно переотложенный слой на площади около 500 кв. м неравномерно залегал на погребённой поверхности, сформировавшейся к 1920—1930-м гг. Под ним залегал аморфный тёмный культурный слой, в котором до 60% найденной керамики составили фрагменты сосудов XII—XIV вв. С этим же слоем связаны находки нескольких стеклянных браслетов. Отчётливые следы каких-либо построек в слое не обнаружены, а небольшое количество позднесредневековой керамики (до 1%), несколько польско-шведских монет середины XVII в. и обломки печных изразцов того же времени указывают на его нарушения в эпоху более позднего Средневековья и Нового времени.

Рис. 4. Свита напластований Центрального городища

С основным горизонтом связаны два массива напластований. Под насыпным горизонтом располагается слой слабоокрашенной супеси мощностью до 0,30–40 м, который накрывал культурный слой гнёздовского времени на общей площади около 400 кв. м, неравномерно распространяясь от западной и южной бровки мыса на 20–25 м в восточном направлении. Относительно ровный характер его поверхности и «затекание» в неровности нижележащего слоя позволяют рассматривать слабоокрашенную супесь в качестве искусственного нивелировочного слоя. Время, после которого был сформирован слой «нивелировки», определяет находка монеты архиепископа Майнца, выпущенная в 1031–1051 гг. и найденная в основании этого слоя. Интересно, что в верхней части того же слоя обнаружен развал средневековой амфоры (рис. 5).

Нижерасположенный культурный слой, датированный нами в рамках X – первой половины XI в., отличаются многочисленные пожарные прослойки и следы нескольких построек разного характера, неоднократно возводимых на одном и том же месте в пределах очень ограниченной площади. Особенно интересна наземная постройка с глиняными стенами на каркасной основе, представленная плотным развалом обожжённой глины мощностью до 0,15–0,2 м со следами сгоревшей «обрешётки» с внутренней стороны, прослеженная в нижнем горизонте напластований. Площадь развала — более 6 кв. м (рис. 6). Для нижнего горизонта характерно преобладание лепной керамики над раннекруговой (81 % и 19 %

Рис. 5. Средневековая амфора (Центральное городище)

соответственно). Учитывая, что раннекруговая керамика в Гнёздове появляется не ранее 30-х гг. X в., этот горизонт можно отнести ко второй четверти — середине столетия. В пределах защищённого «нивелировочным» слоем участка отмечено скопление фрагментов византийских амфор, найдены свинцовая византийская печать, обрывки золотных нитей, осколки импортных стеклянных сосудов — всё это указывает на особый, неординарный характер его обитателей. По некоторым данным, одна из наиболее выраженных пожарных прослоек нижнего горизонта может быть сопряжена со слоем, насыщенным продуктами горения и обнаруженным во время раскопок 2010–2013 гг. на краю площадки и в верхней части южного склона городища. Перепад отметок на этом участке составил до 2,5 м.

Напластования на данном участке были соотнесены с двумя основными горизонтами: насыпным и основным, сформированным в результате длительного последовательного процесса. В слоях, образующих на краю площадки и верхней части склона насыпной горизонт, найдены многочисленные находки, датирующиеся, в основном, рубежом I–II тыс. н.э., — это бисер, стеклянные и каменные бусы, глиняные пряслица, обломки амфор, лепная и круговая керамика. Находки в этих же напластованиях обломков «муравленых» и поливных изразцов и серо-лощёной керамики,

Рис. 6. Развал глиняных стен наземной конструкции (Центральное городище)

датирующихся XVI—XVII вв., позволяют отнести время формирования здесь основной части насыпного горизонта к XVII в. и связать его с какими-то масштабными работами, производившимися в этой части существовавшего ранее поселения. На небольшом участке площадью около 2 кв. м удалось зафиксировать прослойку погребённого дёрна, отделяющую насыпной горизонт от основного. Основной горизонт напластований, расположенный на краю площадки и распространяющийся вниз по склону на протяжении нескольких метров, характеризуется слоистой структурой и наличием нескольких углистых (пожарных?) прослоек. Самый нижний горелый слой фиксировал материковую поверхность уступа, расположенного на 1 м ниже кромки площадки (рис. 7). Разведочное бурение, проведённое ниже по склону вдоль линии продолжения стенки раскопа С—Ю, показало резкое падение уровня материка, что свидетельствует о значительной крутизне склона в раннее время.

Предварительный анализ полученных материалов позволяет предположить, что мы обнаружили следы первоначального этапа укрепления городища в виде искусственной подрезки склона — эскарпа, ширина которого достигала 0,7 м. Судя по нескольким небольшим материковым ямкам и остаткам горелого дерева, эскарп был дополнен деревянной конструкцией. Керамический материал и состав вещевой коллекции датирует этот этап второй четвертью X в. Заметим, что аналогичные следы эскарпирования южного склона были зафиксированы ещё во время раскопок 1971 г.

Рис. 7. Нижний горелый слой на уступе эскарпированного склона (Центральное городище)

Дальнейшее развитие фортификационной системы городища пока представить сложно ввиду малочисленности данных. Можно предположить, что во второй половине X в. укрепления были усилены и представляли собой дерево-земляные конструкции, расположенные как на площадке городища, так и на склоне. Характер первоначальных укреплений Центрального городища — сочетание эскарпа с деревянной стеной или облицовкой склона — близок системе роменских городищ X в. на Левобережье Днепра [14].

Литература

1. Мурашева В.В., Нефёдов В.С., Пушкина Т.А. Изучение Гнёздова и его округи (Смоленская область, 1999–2000) // Вестник РГНФ. 2001. № 1. С. 173–179.
2. Пушкина Т.А. Гнёздово: итоги и задачи исследования // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124. М., 2001. С. 4–11.

3. Мурашева В.В. Актуальные проблемы исследования Гнёздова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М., 2012. С. 389–405.
4. Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнёздовского археологического комплекса // Российская археология. 2005. № 1. С. 112–123; Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнёздовского археологического комплекса) // Средние века. Вып. 70 (3). М., 2009. С. 141.
5. Мурашева В.В., Стефутин С.А. К вопросу об исторической топографии Гнёздова: исследование береговой линии Днепра // Археология древнерусского города XI–XV вв. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза: Тезисы докладов Международной научной конференции (Рязань, 6–9 апреля 2011 г.). М., 2011. С. 49–50.
6. Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 31–77.
7. Kaupang in Skiringssal. Kaupang Excavation Series. Vol. 1. Aarhus University Press. 2007. P. 192–194; Wallace P.F., The Viking Age Buildings of Dublin. Dublin. Part 1, 2. 1992.
8. Авдусина С.А., Савостина Р. Клад варяга на пути в греки // National Geographic. Июль 2014. С. 54.
9. Мурашева В.В. «Град велик и мног людьми». Некоторые итоги исследований Смоленской экспедиции Исторического музея // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. Труды ГИМ. Вып. 201. С. 200–201.
10. Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В., 2012. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А.Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 253. Рис. 11.
11. Мурашева В.В. В поисках Гнёздовского порта // РА. № 1. 2007. С. 106–114.
12. Фетисов А.А., Мурашева В.В. Смолокуренное производство в Гнёздове // Стародавний Іскоростень і слов'янські гради. Т. II. Коростень, 2008.
13. Bachmann H-G., The identification of slags from archaeological sites. London, 1982. P. 30–33; Lyngstrøm H., Dansk Jern. København, 2008. S. 41–71.
14. Григорьев А.В. Северянская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 64–71.